

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Н. Свирин

„ПОДРАЖАНИЯ КОРАНУ“ ПУШКИНА

I

Осенью 1824 года Пушкин писал своему брату из села Михайловского:

«Знаешь ли мои занятия? До обеда пишу записки, обедаю поздно; пос. об. езжу верхом, вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма! ах, боже мой, чуть не забыл! вот тебе задача: историческое, сухое известие о Сеньке Разине, единственном поэтическом лице Рус. Ист.»

Сосланный из Одессы в деревенскую глушь, Пушкин с увлечением погружается в поэтический мир русского народного творчества. Он собирает и записывает народные сказки и песни, изучает старинные обычаи и поверья, внимательно прислушивается к народному говору на сельских ярмарках и псковском базаре, позже сам пишет, в подражание народным, несколько песен о Степане Разине и т. д. И в то же время, осенью 1824 года Пушкин работает над «Подражаниями Корану» («я тружусь во славу Корана») — писал он брату в начале ноября 1824 года).

На первый взгляд совмещение в одно и то же время столь противоположных поэтических интересов — вещь совершенно непонятная. В самом деле: русские народные сказки — и религиозные предания ислама, псковский базар — и «священная» Мекка, Стенька Разин и Магомет... Кажется, трудно придумать более чуждые и несхожие вещи.

На самом же деле это явления, выросшие из одного и того же корня — из стремления Пушкина к овладению поэтическим богатством всех времен и народов.

Буржуазно-дворянские литературоведы, писавшие о «Подражаниях Корану», не могли да и не хотели связать воедино эти разнородные на первый взгляд поэтические интересы Пушкина. Они рассматривали «Подражания Корану» как проявление проснувшегося религиозного чувства поэта и «умиротворения» его души после бурных романтических порывов молодости. Резче всего эту точку зрения выразил Н. Котляревский:

«Умиротворение души поэта сказалось и в том подборе религиозных стихов, которые он озаглавил «Подражаниями Корану» (1824). Пушкин очень редко писал стихи на религиозные темы. Но в «Подражаниях Корану», в особенности в великолепной кар-

тине: «И путник усталый на бога роптал» много религиозного смысла и настроения. Если отбросить те строчки, в которых поэт удержал местный восточный колорит, достаточно чувственный, то весь этот маленький сборничек может быть понят как гимн богу, вознесенный над всеми исповеданиями». ¹

Н. Черняев также усматривает в «Подражаниях Корану» эволюцию Пушкина от поверхностного атеизма, навеянного французскими материалистами, к глубокому религиозному чувству:

«Подражания Корану» насковзь проникнуты монотеистическим духом и неподдельным религиозным чувством. Коран дал первый толчок к религиозному возрождению Пушкина и имел поэтому громадное значение в его внутренней жизни». ²

Н. Сумцов, автор пресловутого исследования «Женская ножка в стихотворениях Пушкина», стремясь всячески доказать религиозность поэта, также рассматривает «Подражания Корану» как «один из аккордов религиозной симфонии», которая звучала в творчестве Пушкина «и в древнерусской, и во французской, и в магометанской форме». ³

Пушкин, как бы предчувствуя ту операцию, которую проделает над его творчеством реакционная академическая наука, сопровождал свои «Подражания» пояснениями, заранее опрокидывающими все эти кривотолки. Вот что пишет он в примечании, открывающем цикл «Подражаний»: «Нечестивые, пишет Магомет (глава «Награды»), думают, что Коран есть собрание новой лжи и старых басен». Мнение сих нечестивых, конечно, справедливо, но, несмотря на сие, многие нравственные истины изложены в Коране сильным и поэтическим образом».

Заметим, что под «старыми баснями» подразумеваются здесь библейские и христианские легенды, в большом числе входящие в Коран. Это придает особый смысл и остроту примечанию Пушкина. Еще любопытнее комментарий поэта ко II подражанию, в котором аллах учит жен Магомета скромности, стыдливости и верности мужу. «Ревность араба так и дышит в сих запоедах», — отмечает Пушкин. К V подражанию, в котором изображается картина мироздания —

Земля недвижна; неба своды,
Творец, поддержаны тобой.
Да не падут на сушь и воды
И не подавят нас собой! —

Пушкин делает следующую сноску: «Плохая физика; но зато какая смелая поэзия!»

Таким образом, работая над «Подражаниями Корану», Пушкин совсем не отказывается от прежних своих скептических воззрений

¹ „Пушкин в Александровскую эпоху“ Собр. соч. Пушкина под ред. С. А. Венгерова. Т. II, стр. 482.

² Н. И. Черняев, „Пророк“ Пушкина в связи с его же „Подражаниями Корану“. М. 1898 г., стр. 50-51

³ Н. Ф. Сумцов, „А. С. Пушкин“. Исследования. Харьков, 1900 г., стр. 154
Следует отметить, что Н. Черняеву и Н. Сумцову принадлежат наиболее подробные исследования о „Подражаниях Корану“.

на религию — как магометанскую, так и христианскую. Но Пушкин, действительно, отходит здесь от односторонних рационалистических воззрений французских материалистов XVIII века, которые в религиозных верованиях и преданиях видели только ложь и басни, сочиненные каким-нибудь ловким шарлатаном.

Пушкин усматривает в Коране проявление психологии целого народа, его религиозных и нравственных воззрений, выраженных нередко «сильным и поэтическим образом». ¹ В заметке «О народности в литературе», относящейся приблизительно к 1825 году, Пушкин писал:

«Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев и поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу. Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более и менее отражается в зеркале поэзии».

С этой широкой точки зрения древнейший памятник арабской литературы представлял для Пушкина такой же интерес, как и русские народные сказки.

Пушкин никогда не понимал принцип «народности» в узконациональном смысле. Он был первым русским поэтом, начавшим то дело, которое широко развернулось лишь сейчас, в Советской Республике — собирание, изучение и поэтическое освоение творчества народов, населявших национальные окраины бывшей Российской империи.

За время пребывания на юге России Пушкин написал ряд этнографических песен: черкесскую, татарскую, цыганскую, молдавскую («Черная шаль»), записывал старинные молдавские предания, знакомился с восточной поэзией (Саади, Гафиз) и т. д.

В 1824 году, уже отходя от романтизма, Пушкин отнюдь не отказался от одного из наиболее прогрессивных и плодотворных принципов романтической школы — принципа всемирной, «универсальной» поэзии. Наоборот, его интерес к литературе всех времен и народов расширяется и углубляется.

Об этом свидетельствуют между прочим отдельные его критические замечания в статьях и письмах. Так, например, в письме к А. Бестужеву (февраль 1824 г.) он пишет по поводу арабской сказки «Витязь буланого коня», помещенной О. Сенковским в «Полярной звезде»:

«Арабская сказка прелесть; советую тебе держать за ворот этого Сенковского».

В 1827 году в «Московском Вестнике» помещена была индийская сказка «Переход через реку, приключение брамина Парамарты». Пушкин пишет по этому поводу Погодину:

«Ваша индейская сказка «Переправа» в Евр. журнале обратит общее внимание, как любопытное открытие учености. У нас тут видят просто повесть и важно находят ее глупою. Чувствуете разницу?»

Почему же внимание Пушкина, как художника, привлек именно

¹ Правильный подход к этому вопросу намечен в брошюре В. Шилоенко о «Подражаниях Корану» (Симферополь, 1928 г.).

Коран? Здесь, конечно, сыграли большую роль многолетнее пребывание поэта на юго-востоке России и близкое соприкосновение с культурой и религией мусульманства. Но были и более глубокие причины помимо этих внешних, биографических обстоятельств.

Выбор объекта для перевода или подражания обычно всегда связан с определенными идеологическими устремлениями и литературными интересами данной эпохи. Так было и в данном случае. Интерес Пушкина к Корану связан с тем увлечением литературой и культурой Востока, которое характерно было для романтизма начала XIX века.

Следует хотя бы в общих чертах остановиться на этом вопросе, так как во всех без исключения исследованиях «Подражания Корану» рассматриваются как явление совершенно исключительное, единичное, изолированное, никак не связанное с литературными интересами той эпохи, возникшее почти столь же чудесно, как самый Коран.

Презрительно-высокомерное отношение к отсталому Востоку, характерное для Европы XVII—XVIII вв., постепенно уступает место живейшему интересу, переходящему нередко в крайнее увлечение.

Этому способствовали, во-первых, развитие сношений с Востоком и ряд открытий ученых-ориенталистов, познакомивших Европу с замечательными литературными и религиозными памятниками Востока.

Так, в конце XVIII века Анкетиль дю-Перрон переводит на французский язык священные книги древних персов («Авеста»); англичанин Вильям Джонс дает толчок к изучению санскритского языка и индийской литературы, переводит на английский и французский языки Гафиза; Рейске, Савари и знаменитый ориенталист Сильвестр де-Саси расширяют сведения европейцев о мусульманском Востоке, знакомят их с арабской литературой, в частности с Кораном и его «автором», Магометом, и т. д.

Но в еще большей степени способствовали повышению интереса к поэзии и культуре Востока новые идеи и течения в европейской литературе конца XVIII — начала XIX века. В противовес французскому классицизму, который признавал лишь античное искусство (в своем толковании), провозглашается принцип «всемирной литературы», пропагандируется необходимость изучения литературных памятников всех времен и народов.

Особенно велика здесь роль Гердера, не только теоретически обосновавшего этот принцип, но и познакомившего европейского читателя с образцами поэзии многих народов, в том числе восточных (перевод «Сахунталы», атология «Из восточных стихотворений» и т. д.).

Важно отметить, что именно в это время устанавливается взгляд на священные книги древних народов (в частности, на Библию и Коран) как на произведения литературные, поэтические.¹

¹ Державин в статье «Рассуждение о лирической поэзии» (1811—1815), развивая мысли Гердера, на которого он несколько раз ссылается, писал: «Все почти древние вожди и законодатели, как-то: божественный Моисей, языческие»

Через посредство Гердера познакомился с восточной поэзией и Гете. В 1772 году он делает опыты перевода из Корана и задумывает драму «Магомет», успев написать однако лишь «Песнь Магомета». После того как Гаммер в 1812 году полностью перевел «Диван» Гафиза, Гете еще больше увлекается восточной поэзией и в течение ряда лет создает свой знаменитый цикл «Западно-восточный диван». По словам Гейне, пример Гете «имел огромное влияние на литературу. Наши лирики принялись воспевать восток» («Романтическая школа»).

В «Западно-восточном диване» нередко используется Коран или как тема (напр.: «Ob der Koran von Ewigkeit sei?»), или как объект подражания («Berechtigte Männer», «Der Prophet spricht» и др.). Последнее из названных стихотворений является очень близким переводом 15 стиха XXII суры Корана.

Интерес к поэзии Востока проявил и Андрэ Шенье, написавший несколько ориентальных элегий, навеянных книгой Савари «Vie de Mahomet», и переводами персидских поэтов В. Джонса.¹ Еще ближе знаком был с восточной поэзией Байрон. Коран ему также был хорошо известен: в примечаниях к своим «восточным поэмам» он часто на него ссылается и даже цитирует отдельные места.² Возможно, что именно Байрон впервые заинтересовал Пушкина Кораном, как литературным произведением.

Таким образом, в конце XVIII — начале XIX века устанавливается довольно прочная связь между западно-европейской и восточной литературой. В частности, Коран все чаще начинает привлекать внимание европейских поэтов как объект переводов или подражаний.

Несколько иная картина наблюдается в России.

Несмотря на преимущества географического положения, русские писатели значительно отставали от западно-европейских в деле освоения поэтических богатств Востока, питаясь преимущественно переводами с французских переводов.³

Но к 20-м годам интерес к восточной литературе в России все более возрастает. Это связано отчасти с активизацией русской колониальной политики на Востоке и с организацией нескольких кафедр восточных языков для подготовки дипломатов, чиновников и переводчиков.

Именно в это время развертывается деятельность выдающихся

Орфей, Бахус, Озирис, Зороастр, Брамго, Солон, Оден, наконец Магомет и, многие другие были поэты и законы свои изрекали стихами" (2-е акад. изд., т. VII, стр. 578).

¹ *Oeuvres poétiques de André Chénier*, Paris, 1889, I, pp. 308—312.

² Напр., «Курзи» (трон) — стих во 2-й главе Корана, описывающий свойства всевышнего; этот стих особенно читается правоверными и часто носится в виде «Талисмана», или «Бисмилах» — «Во имя бога», так начинаются все главы Корана, кроме одной и т. д. (Соч. Байрона под ред. С. А. Венгерова. Т. I, стр. 560, 566 и др.).

³ Так, напр., в «Вестнике Европы» за 1815 г. (№№ 10—12) помещены отрывки из произведений Фердуси, Гафиза и Саади — переводы из книги Журдена «La Perse».

ориенталистов — К. Фрэна, Казем-Бека, А. Болдырева, О. Сенковского. В 1822 году Сенковский выступает со статьей «Об изучении арабского языка», в которой доказывает необходимость изучения восточных языков с точки зрения практических, государственных потребностей.¹ Но главную роль в повышении интереса к поэзии Востока сыграло распространение литературных теорий романтизма.

В поэзии Востока начинают усматривать одно из средств для обновления русской литературы и освобождения ее от тесных пут французского классицизма. Так, С. С. Уваров, член «Арзамаса» и попечитель петербургского учебного округа, в своей речи при открытии кафедры восточных языков в Главном педагогическом институте (1818 г.) заявил, что «с обращением к Востоку произойдет обновление русской словесности в сих свежих доселе неприкосновенных источниках».² Более конкретно выразил эту мысль Кюхельбекер, который еще в лицее проявлял живейший интерес к восточной литературе.³ В своей статье «О направлении нашей поэзии» («Мнемозина», ч. II, 1824 г.) Кюхельбекер писал:

«При основательнейших познаниях и большем, нежели теперь, трудолюбии наших писателей, Россия, по самому своему географическому положению, могла бы присвоить себе все сокровища ума Европы и Азии. Фердоуси, Гафис, Саади, Джами ждут русских читателей» (стр. 42).

По всей вероятности, эти имена подсказаны Кюхельбекеру «Западно-восточным диваном» Гете.⁴

О необходимости изучения восточной поэзии пишет и Ф. Булгарин, так же, как и Кюхельбекер, усматривая в этом одно из средств к созданию самобытной русской литературы. Посоветовав писателям для постижения духа русского языка читать древние летописи, собирать народные песни и поговорки, изучить несколько соплеменных славянских наречий и т. д., Булгарин добавляет:

«Не говорю о восточных языках, которых изучение чрезвычайно трудно и средств весьма немного. Но все не худо ознакомиться несколько с «Восточными рудниками» Гаммера («Fundgruben des Orients») или перевести несколько листов в Гербелоте, в хрестоматии Сильвестра де-Саси, в Азиатических Изысканиях калкутского учебного общества («Asiate Researches») и в Назидательных письмах о Китае («Lettres edifiantes etc.). Восток, неисчерпаемый источник для освежения поэтического воображения, тем занимательнее для русских, что мы имели с древних времен сношения с жителями оного».⁵

Можно было бы привести еще целый ряд аналогичных высказываний. Как видим, интерес Пушкина к Корану вполне соответство-

¹ «Сын Отечества». 1822 г., № 39.

² «Материалы для истории факультетов восточных языков». СПб, 1909 г. Т. IV, стр. 37.

³ См. статью Ю. Тынянова «Пушкин и Кюхельбекер» в № 16—18 «Литературного Наследства».

⁴ См. конспект Кюхельбекера на «Западно-восточный диван» в № 4—9 «Литературного Наследства».

⁵ Статья «Литературные призраки» («Литературные Листки». 1824 г., № XVI).

вал литературным взглядам и интересам того времени. Однако никто из современных Пушкину писателей не сделал ничего значительного в области освоения восточных литератур, — даже Грибоедов, который долго жил в Персии и знал персидский и арабский языки. Пушкин и здесь шел впереди своих современников, впервые познакомив русское общество в «Подражаниях Корану» с древнейшими памятниками арабской литературы.

II

При анализе «Подражаний Корану» со стороны содержания, прежде всего возникает вопрос о близости их к подлиннику. В 1887 г. Л. Поливанов проделал кропотливую, ценную работу по сравнению «Подражаний» с отдельными сурами (главами) и стихами Корана. Впоследствии Н. Черняев внес в эту работу много существенных поправок и добавлений.

Сличение с текстом Корана обнаружило большую близость пушкинских «Подражаний» к подлиннику.¹ Правда, поэт не стремился к тому, чтобы как можно точнее перевести отдельные стихи и суры. «Здесь предлагается несколько вольных подражаний», — писал он в примечании.

Пушкин нередко соединяет в одно целое разбросанные в разных местах мотивы, иногда расширяет и дополняет какую-либо мысль Корана. Тем не менее, почти каждая строка поэтического текста «Подражаний» может быть подкреплена соответствующим местом из Корана.

На этом основании Н. Черняев приходит к следующему выводу: в «Подражаниях Корану», по его словам, «отразился весь Ислам с его монотеизмом, с его чувственностью, с его воинственным пылом, с его космогонией, легендами, мистикой и моралью. Кто вчитается и вдумается в «Подражания Корану», тот уже не встретит в нем ничего нового для себя и будет иметь ключ к разгадке и верному пониманию священной для всего мусульманского мира книги».²

Это положение Н. Черняева, повторенное многими последующими литературоведами, получило широкое распространение. Однако оно может быть принято лишь с очень существенными оговорками.

Степень близости тех или иных подражаний к подлиннику легко устанавливается, когда подлинник представляет нечто единое и цельное. А в данном случае этого как раз и нет.

Дело в том, что Коран отнюдь не является единой стройной и законченной системой религиозного мировоззрения, в которой все части строго согласованы между собой. Эклектическое смешение идей и представлений, заимствованных из различных религиозных

¹ Пушкин пользовался или русскими переводами Корана (М. Веревкина, 1790 г. и А. Колмакова, 1792 г.) или же, что всего вероятнее, французским переводом Савари

² „Пророк“ Пушкина в связи с его же „Подражаниями Корану“. М. 1898 г., стр. 53.

систем (еврейской, христианской, языческой и др.), — самая характерная черта Корана.

«Нет религии менее оригинальной, чем мусульманская», — говорит известный голландский исламовед Р. Дози.¹ Мне особенно важно для дальнейшего изложения отметить наличие в Коране библейских и христианских мотивов.

«К рассказам о страшном суде, — пишет В. Бартольд, — присоединились заимствованные у евреев или у христиан библейские предания, о том, как издевались над прежними пророками и как им помогал бог, рассказы о Ное, Аврааме и Лоте, Иосифе, Моисее и фараоне, Ионе, Давиде и Соломоне. Приводятся и другие рассказы, приуроченные к арабскому полуострову и, повидимому, составленные по образцу библейских или самим Мухаммедом или его последователями. . . Еще важнее то место, которое, отводится в Коране Иисусу. . . Иисус ставился в пример народу в проповедях Мухаммеда, и язычники отвечали: «Кто лучше: наши боги, или он?». Конец мира для мусульман, как и для христиан, связан со вторичным пришествием Иисуса. . . Во многих случаях заимствованные у христиан и евреев представления приспособлены в Коране к арабским понятиям».²

Вследствие того что элементы различных религиозных систем плохо между собой согласованы, в Коране на каждом шагу встречаются самые вопиющие противоречия (напр., по вопросу о сотворении человека, об отношении к «неверным» и т. д.). Поэтому вопрос о соответствии «Подражаний Корану» содержанию подлинника гораздо сложнее, чем это обычно представляется, и отнюдь не разрешается методом сличения отдельных строк поэтического текста Пушкина с соответствующими строками из Корана. Приведу один пример:

В VIII подражании Пушкин излагает учение Корана о милостыне: бог отвергает скудную, расчетливую милостыню — «щедрота полная угодна небесам». Это подражание находится в точном соответствии с 263 и 266 стихами II суры Корана. Но в других сурах встречаются прямо противоположные наставления, осуждающие слишком щедрую благотворительность как мотовство, угодное лишь дьяволу:

«Отдавай своим ближним то, что им должен, точно так же, как одаряй неимущего и путника, но не будь расточительным. Расточительные — братья сатаны».³ Спрашивается: верно ли передал Пушкин учение Корана о милостыне? Ответить на этот вопрос оказывается не так-то просто.

Буржуазная наука, вскрыв эклектизм Корана, наличие в нем всевозможных напластований и вопиющих противоречий, объясняла все это эволюцией психики «пророка», его политических и религи-

¹ Р. Дози, «Очерк истории ислама». С предисловием и примечанием А. Е. Крымского. СПб, 1904 г., ч. II, стр. 1.

² В. В. Бартольд, «Ислам». Петроград, 1918, стр. 22—23.

³ Сура XVII, стихи 28 и 29. Здесь и ниже Коран цитируется мною по переводу А. Николаева (М., 1901 г.). В дальнейшем римскими цифрами обозначаются суры (главы) Корана, арабскими — стихи.

озных взглядов. Советское марксистское исламоведение намечает принципиально иной подход к этой проблеме, ставя под вопрос принадлежность Корана одному автору.¹ Так, например, С. Толстов в статье «Очерки первоначального ислама» после тщательного анализа различных напластований в Коране, приходит к заключению, что нужно «раз навсегда отказаться выводить мекканские и мединские суры не только от одного автора, но и из одной школы... Коран слагается из четырех частей, ничем кроме общности эпохи не связанных, безусловно восходящих к различным течениям в ханифском движении, собрание отрывочных документов раннего жанифства, скомпилированных неособенно умелыми редакторами».²

Отказ от традиционного взгляда на Коран как на произведение одного автора в значительной мере снижает и традиционный вопрос о соответствии пушкинских «Подражаний» некоему абстрактному единому «духу Корана» (на деле не существующему).

Гораздо больший интерес приобретает другой вопрос — о принципе отбора Пушкиным тех или иных мотивов из Корана. Был ли у Пушкина этот принцип? Да, был. Его можно сформулировать таким образом: поэт не стремился отобрать из Корана наиболее «экзотические», чуждые европейскому сознанию черты ислама; акцент он делает не на том, что разделяет Коран от Библии, а на том, что их объединяет.

Я не хочу сказать, что Пушкин вполне сознательно строил свои «Подражания» по этому принципу. Но объективно именно так и получилось. В самом деле: в «Подражаниях» Пушкина центральное место занимает образ единого всемогущего бога, творца и хозяина вселенной, то милостивого, заботливого и терпеливого, то грозного и мстительного, страшного в своем гневе.

Чем отличается этот образ аллаха от библейского иеговы? Решительно ничем. Взаимоотношение между алахом и человеком («дрожащая тварь») также вполне соответствует библейским представлениям. Величественные картины мироздания и страшного суда также мало разнятся от библейских.

Вспомним эти особенно удавшиеся Пушкину строки в III подражании:

„Но дважды ангел вострубит;
На землю гром небесный грянет:
И брат от брата побежит,
И сын от матери отпрянет.
И все пред бога притекут,
Обезображенные страхом;
И нечестивые падут,
Покрыты пламенем и прахом“.

В легендах о богоборчестве (IV подражание) и о чудесном сне

¹ Некоторые идут еще дальше, отрицая самое существование Магомета (см. статью Л. Климовича, „Существовал ли Мохаммед?“ „Воинствующий Атеизм“ 1931 г., № 2—3).

² „Советская Этнография“. 1927 г. 2. стр. 62—64.

(«И путник усталый на бога роптал» — VII подражание) также нет ничего специфически-мусульманского: эти легенды встречаются как в еврейских, так и в христианских религиозных преданиях.

Наконец, из множества этических норм Корана Пушкин чаще всего отбирает такие, которые очень близки к христианским: «презирай обман», следуй «стезею правды», «люби сирот», «твори щедрую милостыню» и т. п. Последний пример особенно показателен. По вопросу о милостыне, как я уже говорил, в Коране имеются наставления, прямо противоречащие христианским. «В противоположность Евангелию Коран не требует и не поощряет отдачи всего бедным».¹ Пушкин однако предпочел взять за основу VIII подражания те места Корана, которые трактуют этот вопрос в духе Евангелия.

Это не означает, разумеется, что Пушкин заимствовал из Корана только такие религиозные представления и нравственные нормы, которые близки к библейским и христианским. Многие в «Подражаниях» характерно только для «священной книги» мусульман и прежде всего, конечно, образ самого Магомета.

Пушкину удалось нарисовать очень живой, противоречивый и нешаблонный облик мусульманского «пророка». Наделенный свыше «могучей властью над умами», буруемый религиозной идеей, Магомет неустанно проповедует свой Коран. Но ему не чужды моменты душевной слабости, разлада, сомнений и колебаний. Его нередко посещают «печальные мысли, лукавые сны», и аллаху постоянно приходится подбадривать своего «пророка» (I и VII подражания). В VI подражании Магомет предстает пред нами уже в другом облике — как военачальник боевых дружин, возглавляющий священную войну против «неверных», упоенный своей победой над врагами:

... Внемлите радостному кличу,
О дети пламенных пустынь!
Ведите в плен молодых рабынь,
Делите бранную добычу!
Вы победили: слава вам,
А малодушным посмеянье.
Они на бранное призванье
Не шли, не веря дивным снам! . . .

Наконец, во II подражании Магомет показан в домашней обстановке, в кругу своих жен и гостей.

Те подражания, в которых образ Магомета занимает центральное место (I, II и VI), по своему содержанию особенно далеки от Библии. Но даже и в этих подражаниях не заметно у Пушкина стремления как-то особенно подчеркнуть и выпятить специфически-мусульманские идеи и представления.

Поэт далеко не использует всех возможностей, предоставляемых в этом отношении Кораном. Так, например, Пушкин очень сдержанно и скупо рисует картину магометанского рая в конце VI по-

¹ В. Бартольд, «Ислам». Стр. 20.

дражания, хотя в Коране на сей счет имеется богатый и красочный материал (я остановлюсь на этом ниже, при анализе стиля «Подражаний»).

Во II подражании Пушкин столь же сдержанно изображает чувственность и ревность Магомета. Аллах наставляет жен «пророка»:

„О, жены чистые пророка,
От всех вы жен отличены:
Страшна для вас и тень порока.
Под сладкой сенью тишины
Живите скромно; вам пристало
Безбрачной девы покрывало,
Храните верные сердца
Для нег законных и стыдливых,
Да взор лукавый нечестивых
Не узрит вашего лица!“

Эти строки находят соответствие в некоторых стихах XXXIII суры Корана (32, 33 и др.). Но в этой же суре рядом имеются стихи, раскрывающие чувственность Магомета в гораздо более обнаженной форме:

«О, пророк! Тебе разрешено вступать в брак со всеми женщинами, которых ты ударишь, с пленницами, которых господь отдаст тебе в руки, с дочерьми дядьев и теток твоих, как с отцовской, так и с материнской стороны, которые бежали вместе с тобой, и со всякой верной женщиной, которая отдает свою душу пророку, если пророк пожелает жениться на ней. Это преимущество, которое мы даем тебе перед всеми верующими» (XXXIII, 49).

Пушкин однако не захотел использовать эти «красочные» места Корана. Можно также отметить, что в «Подражаниях Корану» совсем не упоминается о пресловутом мусульманском фатализме, о таком специфически-религиозном обряде магометан, как паломничество в Мекку (в Коране об этом говорится в ряде сур) и т. д.

Пушкин не обнаружил особого интереса ко всей этой мусульманской «экзотике», заимствовав из Корана преимущественно библейские и христианские реминисценции.

Эту же тенденцию обнаружим мы в языке и стиле «Подражаний».

III

«Пушкин лишь один из всех мировых поэтов обладает свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность». Доказывая этот основной тезис своей знаменитой юбилейной речи о Пушкине, Достоевский приводил наряду с другими примерами и «Подражания Корану»:

«Разве тут не мусульманин, разве это не самый дух Корана и меч его, простодушная величавость веры и грозная кровавая сила ее?» («Дневник писателя», 1880 г.).

Пушкин действительно обладал гениальной способностью проникновения в дух чуждых культур. Это свойство его в полной мере проявилось и в «Подражаниях Корану». Однако о «полном

перевоплощении» говорить здесь, конечно, не приходится. В самых «мусульманских» по содержанию и форме подражаниях чувствуется все же европейский поэт, сохраняющий критическое отношение к своему восточному образу.

В письме к П. Вяземскому из Михайловского (апрель 1825 г.) Пушкин писал о принципах своей работы над «Бахчисарайским фонтаном»:

«Слог восточный был для меня образцом, сколько возможно нам, благоразумным, холодным Европейцам. Кстати еще, знаешь, почему не люблю я Мура? — Потому, что он чересчур уже восточен. Он подражает ребячески и уродливо — ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. Европейец и в упоении восточной роскоши должен сохранить вкус и взор Европейца».

Этот же эстетический принцип лежит и в основе «Подражаний Корану». Рифмованную прозу Магомета Пушкин заменил стихами, написанными с соблюдением всех правил европейской поэзии XIX века. Пушкин, конечно, использовал при этом язык, образы и некоторые специфические литературные приемы Корана, сохраняя однако «вкус и взор европейца» и не подражая механически «ребячеству и уродливости» Магомета.

Этих уродливостей стиля в Коране, действительно, очень много — неизмеримо больше, чем в стихах Гафиза или Саади. Причина здесь не только в малой поэтической одаренности Магомета. Дело в том, что автор (вернее, авторы) Корана не мог использовать высокой поэтической культуры своего времени, так как арабская поэзия, выражавшая жизнерадостное языческое мироощущение кочевников пустыни, воспевавшая воинскую доблесть, безграничную щедрость, кровную месть, верность своему племени, вино, любовь и прочие земные утехы, была абсолютно враждебна духу новой религии.

Недаром Магомет с такой ненавистью отзывался о поэтах. «Разве не видишь ты, что они бредут по всем дорогам, как безумные, что они говорят о том, чего не делают?» — сказано в Коране о поэтах (XXVI, 225—226).

Магомет использовал в своих проповедях рифмованную прозу — жанр, наименее разработанный в арабской литературе той эпохи. Результаты с точки зрения художественной получились не весьма блестящие. Потрясающее многословие, бесконечные повторы, отсутствие логической последовательности изложения, постоянное пере скакивание с одного предмета на другой, начатые и оборванные фразы, искажение смысла ради рифмы, недомолвки и пропуски, темнота и неясность многих сур — все это на каждом шагу встречается в Коране.

Большинство европейских ученых-ориенталистов очень низко оценивает эстетические достоинства Корана. Так, например, Р. Дози пишет по этому поводу:

«Среди всех сколько-нибудь известных староарабских произведений я не знаю ни одного, в котором проявлялось бы так много безвкусицы и так мало оригинальности и которое было бы так растянуто и скучно как Коран... Недаром мекканцы, — а вкус»

их не так уже были плохи, — предпочитали слушать индийские или персидские сказки, чем Мохаммедовы повествования».¹

Пушкин, как мы уже знаем, иначе оценивал эстетические достоинства Корана. Он считал, что «многие нравственные истины изложены в Коране сильным и поэтическим образом», сохраняя однако критическое отношение к красоте «восточного слога». Так, например, используя в I подражании характерный для Корана прием клятвы («клянусь четой и нечетой, клянусь мечом и правой битвой»), поэт сопровождает этот прием следующим критическим комментарием:

«В других местах Корана алла клянется копытами кобылиц, плодами смоковницы, свободой Мекки, добродетелью и пороками, ангелами и человеком и проч. Странный сей риторический оборот встречается в Коране поминутно» (подчеркнуто мною. *Н. С.*)

«Вкус и взор европейца» в особенности сказались в подходе Пушкина к проблеме «местного колорита». Здесь в полной мере проявилось чувство меры и такта, свойственное всем великим художникам, пренебрегающим внешними, дешевыми средствами для достижения нужного эффекта.

Отдельными, подчас даже незаметными на первый взгляд штрихами Пушкин воспроизводит своеобразный облик той страны, в которой зародилась новая религия. С непревзойденным мастерством передан, например, колорит раскаленных пустынь знойной Аравии в IX подражании. Особенной силы впечатления поэт достигает благодаря тому, что передает этот колорит через ощущения одинокого путника, истомленного зноем и жаждой:

И зноем и пылью тягчимые очи
С тоской безнадежной водил он вокруг,
И кладезь под пальмою видит он вдруг.
И к пальме пустынной он бег устремил,
И жадно холодной струей освежил
Горевшие тяжело язык и зеницы. . .

Изображение оазиса в пустыне может быть отнесено к величайшим достижениям поэтического гения Пушкина. Вспомним хотя бы эти строки:

Вновь зыблется пальма тенистой главой,
Вновь кладезь наполнен прохладой и мглой.

Образ аравийской пустыни создан Пушкиным совершенно самостоятельно. В легенде, на основе которой построено IX подражание, речь идет о путнике, проходившем мимо города (II, 261). Вообще образы Корана в подавляющем большинстве случаев связаны с городом, и мы не найдем у Магомета сколько-нибудь подробного и конкретного описания пустыни или путешествия.

Черты местного колорита органически вплетаются так же и в образ аллаха, нарисованный Пушкиным. Представления араба

¹ Р. Дози. „История ислама“. Стр. 121—122.

о божестве тесно связаны с географическими особенностями его родины. Для араба аллах прежде всего — верховный хозяин воды, ветра и тени:

Творду молитесь; он могучий:
Он правит ветром; в знойный день
На небо посылает тучи;
Дает земле древесну сень.

(V подражание)

Местный колорит во всех «Подражаниях» выдержан Пушкиным безупречно. Но для достижения этой цели поэт нигде не прибегает к внешним приемам поверхностного «ориентализма». В «Подражаниях Корану» совершенно не чувствуется пристрастия к декоративным восточным деталям и экзотической бутафории — к тому, что впоследствии пышно расцвело в поэзии акмеистов и частично перешло даже в советскую поэзию («восточные» стихи раннего Н. Тихонова, Дм. Петровского, Вс. Рождественского, Ал. Гитовича, Лапина и Хащревина и др.).

Байрон, используя в «Гяуре» один слишком «восточный» образ, сделал в примечании специальную оговорку, опасаясь «показаться plus arabe qu'en Arabie» (т. I, стр. 560). Еще строже отбирал восточные краски и образы Пушкин в «Подражаниях Корану».

Очень показательна в этом отношении картина магометанского рая в конце VI подражания. Рай описан в Коране во многих местах в самых ярких и соблазнительных красках. Людям «правой стороны» (т. е. правоверным) обещаются на том свете всевозможные удовольствия:

«Отдыхая на седалищах, украшенных золотом и камнями, прилегли на локоть, они обратятся лицом друг к другу. А вокруг них будут двигаться юноши, обладающие вечной молодостью, с бокалами, кувшинами и чашами, наполненными прозрачной жидкостью, от которой они не будут испытывать ни головной боли, ни головокружения, с плодами, которые они будут выбирать по своему вкусу, и с мясом тех птиц, которых они так любят. У них будут красавицы с громадными черными глазами, красавицы, подобные жемчужинам, заботливо спрятанным... Мы создали красавиц рая особым творческим актом, мы сохранили их девственность. Любимые мужьями своими, в возрасте, одинаковом с ними, они будут предназначены людям правой стороны» (LVI, 15—37).

Гете в одном из стихотворений «Западно-восточного дивана» («Berechtigte Männer») почти дословно воспроизводит эту картину мусульманского рая. Тут и «сиденья из цветов и трав», и «золотые яблоки», и «беседки из пестрого сверкающего камня», и, конечно, неопишуемой красоты «небесные девы». Все это обещает пророк павшим в битве за веру.¹

Но Пушкин, рисуя магометанский рай в VI подражании, ограничивается лишь несколькими скупыми сжатыми строчками:

¹ Goethes Werke. Weimar, 1888, VI Band, S. 248—250.

Блаженны падшие в сраженьи,
Теперь они вошли в эдем
И потонули в наслажденьи,
Не отравляемом ничем.

Как видим, поэт обошелся даже без традиционного и неперменного образа «небесной гурии». ¹ Вообще, в «Подражаниях Корану» мы не найдем характерного для «ориентальных» стихов европейских поэтов нагромождения специфически-восточных терминов и географических названий. (хотя в Коране их великое множество: корейшиты, ансар, сельсебия, имам, ислам, могаджиры, эблис, джины, рамадан и пр.).

Только два таких термина найдем мы в «Подражаниях» — Магомет и Коран. У Пушкина отсутствуют даже названия «священных городов» — Мекки и Медины, казалось бы, совершенно необходимые в каждом поэтическом переложении Корана.

Еще разительнее в этом отношении другая характерная черта: именуя везде в примечаниях магометанского бога «аллахом», Пушкин в поэтическом тексте самых «Подражаний» нигде не употребляет этого специфически-мусульманского термина, заменяя его обычными в русском языке названиями: бог, боже, творец, владыка, господь и т. п.

Таким образом, Пушкин не только не стремится к нагнетанию возможно большего количества экзотических деталей, но иногда даже заменяет специфически-восточные образы и термины Корана более понятными и близкими европейскому сознанию. Приведу еще один пример. В Коране имеется такое место, использованное Пушкиным в V подражании:

«Бог есть свет неба и земли. Этот свет подобен очагу, в котором находится светильник, заключенный в хрустальном сосуде, напоминающем блестящую звезду. Этот светильник освещается маслом их благословенного оливкового дерева, которого нет ни на Востоке, ни на Западе»... (XXIV, 35). Пушкин заменяет этот сложный и вычурный «восточный» образ простым и ясным:

Зажег ты солнце во вселенной,
Да светит небу и земле,
Как лен, елеем напоенный
В лампадном светит хрустале!

Особенно характерны слова «лен», «елей», «лампадный» (образ лампы поэт употребляет и в VII подражании: «святая лампада до утра горит»). Есть доля истины в словах поэта Казина:

«Вот в «Подражаниях Корану» Восток по-русски говорит».

Здесь мы подходим к основной, наиболее важной особенности языка и стиля «Подражаний»: религиозный пафос Корана, его приподнятый, торжественный тон поэт передает прежде всего через использование языка и образов Библии.

¹ В этом отношении восточный колорит «Подражаний Корану» более строгий и сдержанный, чем в ранее написанной «Татарской песне», где на протяжении 12 строк мы встретим и «Мекку» и «факира» и «гарем» и «деву рая».

IV

Обилие церковно-славянизмов — самая характерная черта языка «Подражаний Корану». Вот далеко не полный их перечень: «глас», «длань», «подъемлю», «бегитесь», «мнил», «тягчимые», «щедрота», «внемлите», «велеречивых», «алкал», «сторичею», «наказую», «вертоград», «вечеря», «рекут», «древле», «почто», «стезя», «узрит», «кладезь», «зеницы» и т. п.¹

Не только язык, но и весь строй речи «Подражаний Корану» весьма близок к библейскому. Очень характерна в этом плане частая замена обычного русского «пусть» церковно-славянским «да». Религиозный колорит и приподнятость тона V подражания в значительной мере обусловлены именно этим приемом:

... Да не падут на сушь и воды...
 ... Да светит небу и земле...
 ... Да притечем и мы ко свету
 И да падет с очей туман.

То же самое в некоторых других подражаниях: «да взор лукавый нечестивых не узрит...» (II); «да не дерзнет порок...» (III).

Для IX подражания характерно частое использование союза «и», придающее рассказу о чуде в пустыне торжественную приподнятость и эпическую простоту библейских легенд:

И ветхие кости ослицы встают,
 И телом сделись, и рев издают;
 И чувствует путник и силу, и радость" и т. д.

В создании религиозного колорита «Подражаний» большую роль играют также риторические вопросы и торжественные, приподнятые обращения («о, всесильный», «о, сеятель благополучный», «о, путник», «о, дети пламенных пустынь» и т. п.).

Библейский строй речи и языка выражен столь резко, что некоторые из «Подражаний Корану» (в особенности IV, VIII и IX) с таким же успехом могут быть названы подражаниями Библии или евангельским притчам.

В самом деле, есть ли хоть что-либо специфически-мусульманское в содержании, языке и образах IV подражания?

„С тобою древле, о всесильный,
 Могучий состязаться мнил,
 Безумной гордостью обильный;
 Но ты, господь, его смирил.
 Ты рек: — Я миру жизнь дарую,
 Я смертью землю наказую,
 На все подъята длань моя.
 — Я также рек он, — жизнь дарую
 И также смертью наказую:
 С тобою, боже, равен я!
 Но смолкла похвальба порока
 От слова гнева твоего:
 — Подъемлю солнце я с востока, —
 С заката подыми его!

¹ См. об этом также в книге В. Виноградова, „Язык Пушкина“. М.-Л., 1935 г., стр. 121 и сл.

Естественно, возникает вопрос: не испарился ли окончательно в этих подражаниях «дух ислама»? Не слишком ли далеко отошел поэт от стиля Корана, столь интенсивно используя язык и образы Библии?

Разрешая этот вопрос, следует прежде всего иметь в виду, что о стиле Корана, как о чем-то едином и монолитном, можно говорить лишь в очень условном смысле. Выше я говорил уже о разном в содержании Корана, — такой же пестротой отличается и его стиль.¹

Прежде всего, в Коране имеется множество стихов и сур, содержанием которых служат легенды и предания, заимствованные из Библии. Стиль этих сур — также чрезвычайно близок к библейскому. Вот, например, один из таких библейских стихов Корана, использованный Пушкиным в приведенном выше IV подражании:

«Слышал ли ты что-либо о том человеке, который вступил с Авраамом в спор о боге, даровавшем нашему праотцу царское достоинство? — Авраам сказал: — Господь мой даст жизнь и смерть. — Не он, а я, — возразил тот. — Так как бог, — ответил Авраам, ведет солнце с востока, — заставь светило это подняться с запада. — Неверный смутился».

Далее: в Коране имеются суры и стихи законодательного порядка, регламентирующие жизнь «правоверных». Эти суры чаще всего не имеют ничего общего с художественной литературой — ни с поэзией, ни с прозой. Язык их сухой, скучный, вялый, абсолютно прозаический. Вот, например, отрывок из 286 стиха II суры:

«Сговариваясь об уплате долга в определенный срок, заключайте письменное условие. Пусть будет оно точно передано тем, кто его записывает... Призовите двух свидетелей, выбрав их из среды своей; если вы не найдете двух мужчин, призовите одного мужчину и двух женщин из лиц, способных к свидетельству; если одна забыла, в чем дело, то может вспомнить другая» и т. д.

Такого рода суры, громадные по размеру и по количеству стихов, расположены главным образом в первой половине Корана. Ничего общего не имеют с ними по содержанию и стилю коротенькие мекканские суры, помещенные в самом конце «небесной книги».

Пафосная, взволнованная речь, короткие, отрывистые фразы, обилие всевозможных клятв и угроз придают этим сурам сходство с колдовскими вещаниями и шаманскими заклинаниями. Вот, например, сура СХI («Абу-Лагаб»).

1. Да погибнут обе руки Абу-Лагаба и да погибнет он сам!
2. Ни к чему не послужат ему ни богатства его, ни деяния его.
3. Он будет сожжен на огне пылающем.
4. Так же и жена его, носительница дров.
5. Веревка из пальмовых волокон будет привязана к шее его.

Или вот отрывок из суры С («Скакуны»):

1. Клянусь скакунами, задыхающимися на бегу,
2. Скакунами, у которых искры брызжут из-под копыт,

¹ Это важнейшее обстоятельство совершенно игнорируется во всех исследованиях о «Подражаниях Корану».

3. Нападающими по утрам на врагов,
4. Поднимающими под ногами пыль,
5. Пролагающими себе путь через ряды врагов" и т. д.

Но и эта группа сур, сохраняющая следы языческих верований, очень богата библейскими реминисценциями. Особенно сильно сказывается влияние Библии в космогонических и эсхатологических мотивах в ярких картинах, изображающих день страшного суда — «день, когда люди будут рассеяны как бабочки, когда горы будут летать как клочки окрашенной шерсти» (С, 1), «когда солнце будет согнуто, когда верблюдицы будут покинуты, когда закипят моря, когда небеса будут сдвинуты в сторону» (XXXI).

В сурах этого типа особенно много темных мест, загадочных намеков, логической непоследовательности и иногда даже бессмыслицы. Однако в них чувствуется пламенная восточная фантазия, и нельзя отказать этим сурам в своеобразной дикой поэзии.

Как видим, о единстве стиля Корана говорить почти не приходится. Пушкин, с его гениальным поэтическим чутьем, конечно, не мог этого не заметить. Девять его «Подражаний», заимствованные из различных сур, отражают в известной мере стилевую неоднородность Корана.

Так, например, II подражание (поучение женам и гостям «пророка») по своей стилевой манере несколько напоминает законодательные суры и стихи Корана, регламентирующие до мельчайших деталей быт мусульман, но, конечно, без сухости и прозаичности, свойственной этим сурам. Другая группа подражаний (в особенности I и VI) воспроизводит стилистические особенности мекканских сур, расположенных в конце Корана.

Я привожу первое «подражание» полностью:

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечом и правой битвой,
Клянусь утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой:
Нет, не покинул я тебя!
Кого же в сень успокоенья
Я ввел, главу его любя,
И скрыл от зоркого гоненья?
Не я ль в день жажды напоил
Тебя пустынными водами?
Не я ль язык твой одарил
Могучей властью над умами?
Мужайся ж, презирай обман,
С гезею правды бодро следуй,
Люби сурот и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй!

Мы видим, что Пушкин перенес в это подражание не только прием клятвы, взволнованную, прерывистую речь, быстроту переходов, но даже и некоторую неясность, затрудненность смысла, столь характерную для этой группы мекканских сур. В самом деле, строки:

Кого же в сень успокоенья
Я ввел, главу его любя,
И скрыл от зоркого гоненья?

несовсем понятны без специального комментария.¹ Подобную же затемненность смысла мы встретили местами и в некоторых других подражаниях. Так, например, по вопросу о смысле заключительных строк II подражания:

Почтите пир его смиреньем
И целомудренным склоненьем
Его невольниц молодых —

среди дореволюционных пушкиноведа возникли даже разногласия, напоминающие спор ученых мулл о темных местах Корана.² Различные «толкования» комментаторов вызвал также эпитет «боязливый» в начале VII подражания («Восстань, боязливый: в пещере твоей» и т. д.).

Однако, все это — лишь тонкие поэтические намеки, дающие европейскому читателю представление о своеобразном стиле мекканских сур, с их исступленным религиозным пафосом, диким хаосом мыслей и образов, загадочными, темными местами. Воспроизводить же полностью все эти «уродливости и ребячества», весь этот мистический туман Пушкин не стал. Даже в картине страшного суда (конец III подражания) мы не найдем следов мистицизма, органически чуждого Пушкину.

Наконец, самая большая группа подражаний (IV, V, VIII, IX, отчасти III) по своему языку, строю речи и характеру образов очень близка к Библии. Мы знаем теперь, что подобного рода «библизация» не была просто поэтическим произволом Пушкина, что Коран давал для этого все основания.

Если учесть еще территориальную близость арабского и еврейского народов, общность природы, климата и культуры (т.-е. на языке искусства — «местного колорита»), мы должны будем признать, что Пушкин нашел наиболее адекватную форму для передачи духа и стиля Корана, используя язык и образы Библии.

Насколько близок поэт не только к содержанию, но и к стилю Корана даже в наиболее «библейских» по своему характеру подражаниях, лучше всего видно на следующем примере. В VIII подражании, так же, как в IV и IX, нет ни одной специфически-мусульманской черты (если исходить из неправильного представления о Коране как о книге, не имеющей ничего общего с Библией). На самом же деле не только идея VIII подражания, но и ее образное воплощение целиком заимствованы Пушкиным из Корана (сравнение щедрой милостыни с посевом, изображение скупости в виде сжатой «завистливой длани» и т. д.).

Я приведу полностью это подражание, а в примечаниях — соответствующие места из Корана:

Торгуя совестью, пред бледной нищетою
Не сыпь своих даров расчетливой рукою:
Щедрота полная угодна небесам!

¹ Здесь имеется в виду эпизод чудесного спасения „пророка“ в пещере от преследования противников (IX, 40).

² См. Н. Черняев, „Пророк“ Пушкина в связи с его же „Подражаниями Корану“. Стр. 67.

В день грозного суда, подобно ниве ту-ной,
 О, сеятель благополучный,
 Сторицею воздаст она твоим трудам.¹
 Но если, пожалев трудов земных стяжанья,
 Вручая нищему скупое подаянье,
 Сжимаешь ты свою завистливую длань,²
 Знай: все твои дары, подобно горсти пыльной,
 Что с камня моет дождь обильный,
 Исчезнут, господом отверженная дань.³

Сближение Корана с Библией не было у Пушкина случайным. Оно базировалось на литературной теории, истоки которой восходят еще к Гердеру: для Пушкина и Коран и Библия — это прежде всего два поэтических памятника древних народов, а не две враждебные религиозные системы. Не удивительно поэтому, что период увлечения Пушкина Кораном совпадает с повышенным интересом его к Библии. Еще в марте 1824 года Пушкин писал П. Вяземскому из Одессы:

«Читая Шекспира и Библию, святой дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира».

В ноябре 1824 года Пушкин пишет в одном из писем к брату: «Тружусь во славу Корана», а в другом просит прислать Библию: «Библию, библию! и французскую непременно». Через месяц он опять напоминает брату о том же: «Мих. привез мне все благополучно, а библии нет». Важно также отметить, что «Подражания Корану» Пушкин пишет почти одновременно с подражаниями «Песне песней» Соломона (книга любовной лирики, входящая в состав Библии). Так идеи и образы Корана и Библии тесно переплетались в сознании и в творчестве поэта.

V

Идеологическая и художественная интерпретация Корана, данная Пушкиным в его «Подражаниях», была чрезвычайно смелой и оригинальной, так как шла вразрез с традиционными взглядами и представлениями той эпохи. Нужно ясно представить себе общественно-политическую атмосферу, в которой создавались «Подражания Корану», чтобы вполне оценить эту смелость и оригинальность.

Для русского дворянского общества и его идеологов Коран был прежде всего религиозным знаменем тех народов, с которыми царское правительство вело непрерывную ожесточенную войну, прокладывая штыками путь на Восток (кавказские горцы, турки, персы и др.). Поэтому, все «мусульманское» расценивалось в официальных кругах с узконационалистической и церковно-миссионерской точки зрения. Даже профессорам восточных языков предписыва-

¹ «Расточающие богатства свои на пути божем подобны зерну, производящему семь колосьев, из которых каждое дает сто зерен» (II, 263).

² «Лицемеры... закрывают руки свои, чтобы не подать милостыни» (IX, 68).

³ «Такой человек уподобляется скалисту холму, едва покрытому землей; если падет на него обильный дождь, то оставит один лишь голый камень» (II, 266).

лось внушать своим слушателям, что «в арабской мудрости нет ничего особенного».¹

Надо еще учесть, что в 1824—1825 гг., когда Пушкин писал «Подражания Корану», борьба Греции с Турцией за свою независимость достигла особого напряжения, и антимусульманские настроения в русском обществе особенно обострились. Отчаянная брань в стихах и прозе по адресу Магомета, верховного покровителя «жесточких чалмоносцев», звучит в это время со страниц русской печати.

Эти антимусульманские настроения не чужды были и декабристам, горячо сочувствовавшим Греции в ее борьбе за независимость. Не чужды они были и Пушкину, когда он в 1821 г. собирался воевать с турками за свободу греков. И вряд ли Пушкин в то время мог бы так написать свои «Подражания Корану». Но воинственный пыл и живое сочувствие к «возрождающейся Элладе» вскоре исчезли, сменившись тяжелым разочарованием.

В письме к В. Л. Давыдову (1824 г.) Пушкин еще заявляет: «Я не варвар и не апостол Алкорана, дело Греции меня живо интересует», но прежнего подъема и пафоса в этих словах уже нет. А в оде гр. Хвостову (1825 г.) поэт уже иронически вышучивает «ненависть нынешних Леонидов, Ахиллесов и Мильтиадов к жесточким чалмоносцам».

Независимость от господствующих взглядов и настроений обусловила спокойный, объективный, чисто-эстетический подход Пушкина к Корану как к литературному памятнику арабского народа. Конечно, этот подход значительно отличается от нашего, современного, ибо мы подчеркиваем прежде всего значение Корана как могучего орудия в руках эксплуататоров для одурманивания и закабаления трудовых масс Востока.

Но для своего времени точка зрения Пушкина на Коран, — свободная и независимая от примитивного, казенного, антимусульманства, — была, несомненно, прогрессивна. Она позволила поэту разглядеть в Коране мотивы, родственные библейским и христианским, удачно использовать язык и образы Библии для передачи духа и стиля Корана, нарисовать сложный и противоречивый образ мусульманского «пророка», чуждый шаблона и тенденциозности, и создать таким образом одно из лучших своих поэтических произведений.

«Подражания Корану» имели исключительный успех и получили самую высокую оценку ряда выдающихся писателей и критиков. В апреле 1825 года Рылеев писал Пушкину:

«В субботу был я у Плетнева с Кюхельбекером и с братом твоим. Лев прочитал нам несколько новых твоих стихотворений. Они прелестны: особенно отрывки из Алкорана. Страшный суд ужасен. Стихи —

И брат от брата побежит,
И сын от матери отпрянет —

превосходны».

¹ Инструкция М. Л. Маницкого ректору Казанского университета — «Материалы для истории факультета восточных языков». Т. IV, стр. 27.

Белинский называл «Подражания Корану» «блестящим алмазом в поэтическом венце Пушкина» («Соч. Ал. Пушкина»).

Аналогичные отзывы найдем мы у Достоевского, И. С. Тургенева и др. Но гениальному циклу пушкинских «Подражаний» по праву должно принадлежать выдающееся место не только в русской, но и в мировой литературе. Ибо и в западно-европейской поэзии, изображающей Восток, мы почти не найдем произведений, которые можно было бы поставить в один ряд с «Подражаниями Корану».

Разумеется, ни в какое сравнение не идут с пушкинскими «Подражаниями» восточные стихотворения В. Гюго («Les orientales», 1828 г.). Французская критика того времени правильно отмечала «чисто-внешний блеск» и «манерную аффектацию» этих стихотворений, называя их «поэзией для глаз».¹ Лучшую характеристику «Orientales» дал сам Пушкин в статье о Мюссе: «блестящие, хотя и натянутые восточные стихотворения», — писал он о них.

Даже «Западно-восточный диван» Гете, произведение грандиозное, впервые ознакомившее Европу с поэзией Востока, имеет существенные недостатки в сравнении с «Подражаниями Корану».

У Гете не было того живого, непосредственного знания и ощущения Востока, каким обладал Пушкин, проживший несколько лет в юго-восточных провинциях России, близко наблюдавший быт, религию и культуру мусульманских народов.

Может быть, поэтому в великолепных стихах «Западно-восточного дивана», при всем их внешнем блеске и совершенстве, чувствуется все же что-то искусственное, книжное, чересчур уж «восточное». Герцен в очерке «Встречи» очень тонко подметил слабую сторону «Западно-восточного дивана»:

«В душе Гете, — писал он, — не было ничего восточного, несмотря на то, что он, насилуя свой мощный гений, написал «Der Westöstliche Divan», который так и дышит запахом Аллаха, стихами Саади и Низами».

¹ См. статью Б. В. Томашевского, «Французская литература в письмах Пушкина к Е. М. Хитрово» в книге «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово». Л. 1927 г., стр. 206.

Звезда

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Орган Союза
советских писателей

8

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗД-ВО «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАД—1936